

**Обычное право как регулятор семейно-брачных отношений
татар-мишарей Республики Мордовии**

Л. Н. Щанкина

доктор исторических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: schanckina@yandex.ru

**Customary Law as a Regulator of Marital Relations
of Tatars-Mishars of the Republic of Mordovia**

L. N. Shchankina

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: schanckina@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению обычного права как регулятора семейно-брачных отношений татар-мишарей, проживающих на территории Республики Мордовии. В ней на основе действовавших у татар-мишарей норм обычного права рассматриваются особенности семейных отношений, а именно: условия вступления в брак и разнообразные способы его заключения, обычно-правовое положение членов семейного коллектива, их правовой статус, особенности обеспечения порядка в семье; исследуются некоторые аспекты личных и имущественных взаимоотношений супругов; выявляются особенности отношений между родителями и детьми, семейные разделы у татар-мишарей. Рассмотрение данного вопроса определено автором хронологически и охватывает вторую половину XIX – первую половину XX вв. т. е. с момента начала изучения юридических обычаев народов, проживающих на территории России и их систематического научного обобщения. Хотя большинство жителей страны издавна применяли в своем быту обычаи, в том числе юридические, но это часто игнорировали официальные круги, которые как бы не замечали и не признавали их источником права.

Ключевые слова: татары-мишари, обычай, право, община, имущество, брачно-семейные отношения, условия вступления в брак, брачный возраст, способы заключения брака.

Abstract

The article is devoted to the study of customary law as a regulator of marital relations of Tatars-Mishars living in the territory of the Republic of Mordovia. It examines the peculiarities of family relations on the basis of the rules of customary law of the Mishars, namely: conditions of marriage and various ways of its conclusion, the customary legal status of family members, their legal status, peculiarities of order in the family, explores some aspects of personal and property relations of spouses, reveals the peculiarities of relations between parents and children, family sections of Tatars-Mishars. Consideration of this issue is determined by the author chronologically and covers the second half of XIX – first half XX centuries, i.e., since the beginning of the study of the legal customs of the peoples living on the territory of Russia and their systematic scientific generalization. Although the majority of the inhabitants of the country have long used customs in their everyday life, including legal ones, but it was often ignored by the official circles, which, as it were, did not notice and did not recognize them as a source of law.

Keywords: Tatars-Mishars, custom, law, community, property, marital and family relations, conditions of marriage, age of marriage, ways of marriage.

Изучение вопросов общины и обычного права, системы этнического правосудия татар-мишарей и других народов началось с основанием Русского географического общества в 1845 г. С этого момента различные отделы РГО, краеведы, земства, специаль-

ные научные общества стали изучать культуру и быт многих народов, проживавших на территории России (П. И. Мельников, В. Н. Майнов, А. А. Шахматов, С. К. Кузнецов). Большая роль в изучении истории, этнографии, юриспруденции и других наук этносов Поволжья принадлежит созданному при Казанском университете в 1878 г. Обществу археологии, истории и этнографии (ОАИЭ).

Наиболее значительным и обстоятельным исследованием по обычному праву считается «Очерк юридического быта мордвы» В. Н. Майнова [3]. В монографии автором затронуты такие проблемы обычного права, как: семейное, наследственное, имущественное право, а также родственные союзы мордвы, семейные разделы, вопросы, связанные с опекой и попечительством и другие аспекты этнического правосудия.

Несколько работ по данной тематике изданы в 1880–1890-х гг. XIX в. Н. Н. Харузиным [12; 13; 14]. В своих трудах «Очерки первобытного права, семья и род», «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей», «Юридические обычаи якутов» автор достаточно обстоятельно описывает юридический быт чеченцев, ингушей, якутов, а также большое внимание уделяет проблемам общины.

Этноправоведческий интерес представляет исследование А. А. Риттиха «Крестьянский правопорядок» [7], в котором содержатся материалы 49 российских губерний, собранные местными комитетами, касающиеся вопросов обычного права и устройства общины. В данной работе, проанализировав представленные сведения, А. А. Риттих сделал вывод о том, что «обычное право не всегда соответствует официальному законодательству».

Крупный вклад в изучение традиционной культуры татар-мишарей, а также традиций этнического правосудия был внесен Р. Г. Мухамедовой, впервые издавшей монографическую работу «Татары-мишари» [5]. В своем исследовании автор рассматривала особенности общественного и семейного быта татар-мишарей, обычно-правовое положение членов татарского коллектива, особенности обеспечения порядка в семье, вопросы, связанные с наследственным правом, разделом семейного имущества и др.

В советской историографии проблемы общины и обычного права народов Мордовии

долгое время исследовались слабо. Лишь в 1990–2000 гг. отмечается новый всплеск интереса к данной проблематике. В эти годы община, семья и брачно-семейные отношения, этноправосудие стали темой кандидатских и докторских диссертаций. В качестве примера можно назвать таких авторов, как В. П. Тумайкин «Соседская община заволжской мордвы в пореформенный период» [11]; С. Д. Николаев «Мордовская крестьянская семья в первой половине XIX века» [6]; Т. В. Еферина «Крестьянская община на территории Мордовии (60-е г. XIX – 30-е г. XX в.)» [2]; В. Н. Семина «Семья татар-мишарей в Мордовии в первой половине XIX века» [8]; Ю. Н. Сушкова (Мокшина) «Брачно-семейные отношения в обычном праве конца XIX – начала XX в.», «Этноправосудие у мордвы в конце XIX – начале XXI в.» [4; 10]; Л. Н. Щанкина «Этнокультурные традиции татар-мишарей Республики Мордовии в системе их жизнеобеспечения» [15]; О. В. Спицина «Обычное право русского населения Мордовии: историко-этнографический аспект» [9], и ряд других исследователей.

В настоящее время, несмотря на то, что историками, в том числе и правоведами, опубликовано множество работ по обычному праву этносов, населяющих территорию Мордовии, имеется существенный пробел в изучении обычаев и обычного права татарского народа, населяющего Республику Мордовию.

На протяжении многих веков институтом, регламентировавшим жизнедеятельность татарского народа Мордовии в соответствии с нормами обычного права, являлась сельская община. Ее основу составляла сначала большая, а затем малая семья, которая, как правило, состояла из супружеской пары с детьми или без них. В осуществлении своей хозяйственно-бытовой деятельности, семейном укладе татарский народ многочисленными нитями был связан с общиной и обычным правом. Кроме обычно-правовых норм община при выполнении своих функций опиралась также и на нормативные акты, исходящие от вышестоящих органов. В повседневной жизни изучаемый народ в большинстве ситуаций чаще всего действовал, основываясь на традициях и обычаях, характерных для изучаемой территории. Взаимодействуя с общиной, семья в течение многих столетий осуществ-

ляла передачу правовых традиций, обычаев от поколения к поколению.

На семейно-брачные отношения община влияла существенным образом, используя для этого различные способы воздействия: прямые и косвенные. Прямой контроль реализовывался сельской администрацией, соседями, родственниками и т. д.; косвенный – через обычно-правовые нормы, выработанные в общине и руководившие поступками общинников [1. – С. 246].

Следует отметить, что община немалое внимание уделяла нравственному воспитанию детей. В мировоззрении татар-мишарей родителям отводилась основополагающая роль. Уважение, почитание отца и матери – это базовые категории в культуре нравственных ценностей, норм, а также нравственного воспитания. За непочтительное отношение к старшим в соответствии с действовавшими нормами обычного права сход мог наказать виновных, поэтому в обязанности детей входило полное повиновение своим родителям. По свидетельству В. Н. Майнова, «дети обязаны были поить их и кормить, когда они окажутся в невозможности добывать себе насущный хлеб своими собственными трудами» [3. – С. 135]. Особенно открыто осуждались обществом такие дети, которые отказали в помощи своим пожилым родителям.

У татар-мишарей существовало несколько способов заключения брачных отношений: путем сватовства (баш кодалап) или сделка (купля-продажа); путем похищения девушки (кыз урлау); путем добровольного ухода к жениху без согласия родителей (ире артыннан чыгу). К похищению прибегали в том случае, когда не было со стороны родителей девушки согласия на брак. Обычно родители похищенной девушки в суд не обращались и на похитителей не жаловались, так как она считалась опозоренной и тогда бы это стало известно большому числу людей. Сама явка девушки в суд считалась большим позором. Умыкание девушки посредством семьи жениха было зафиксировано и у мордовского населения, проживающего на территории Мордовии.

Наиболее распространенным способом заключения брака у татар-мишарей была сделка (купля-продажа). Она происходила по предварительному согласию родителей,

так как именно они играли значительную роль в создании будущей семьи своих детей. У многих народов, в том числе и у татар-мишарей, без родительского согласия или их благословения вступление в брак считалось недопустимым. Считалось, что только родители могли определить, насколько дети готовы вступить в брак, а также выбрать подходящую кандидатуру для своего сына или дочери. При этом исходили из того, насколько этот брак отвечал интересам семьи. В брачных вопросах придерживались очередности по старшинству. Калым выделяли из общего имущества семьи [5. – С. 144]. Жених мог вступить в свои супружеские права только после того, как полностью выплатит калым родителям невесты.

Специально в честь выплаты калыма мишари устраивали праздник – яраш, а после него в честь бракосочетания – никах туй. В качестве калыма использовали деньги, постельные принадлежности, одежду и обувь для будущей супруги, а также продукты питания (мясо, муку, мед и т. д.). Эта традиция фиксируется с конца XIX в. Объем выкупа зависел от многих обстоятельств. Основными факторами являлись: социально-экономическое положение обеих сторон, достоинства невесты, причем за разведенную женщину или вдову, как правило, давали небольшой выкуп. Об этом говорит поговорка татар-мишарей, проживающих в Темниковском районе Мордовии: «Кызнын хагы утыз, кире кайтыптугыз» (цена девушки тридцать, а разведенной девять) [3. – С. 157–158].

Средним брачным возрастом для девушек в татарских селах Мордовии считали 16–18 лет. Были случаи, когда девушек выдавали замуж и в более раннем возрасте, но это скорее всего являлось исключением. По мнению татарского народа, девушка старше двадцати лет считалась засидевшей (карт кыз). Для брачного возраста юношей строгих ограничений не существовало. Но в связи с тем, что бедные семьи были заинтересованы в приобретении лишних рабочих рук в лице снохи, то их также пытались женить к двадцати годам. В зажиточных семьях иногда прибегали к обычаю женитьбы малолетнего сына (13–14 лет) на взрослой девушке (18–20 лет) из бедной семьи, так как они также были заинтересованы в дополнительной рабочей

силе. Примером может послужить такой брак, зарегистрированный в начале XX в. в с. Горенка Zubovo-Полянского района, когда 20-летнюю девушку выдали замуж за 13-летнего парня.

Женитьба несовершеннолетних мальчиков на взрослых девушках характерна для многих народов Среднего Поволжья (русских, мордвы, чувашей). У мордвы, например, бытовал обычай ранних браков, когда 5–6-летние дети «бывали уже обручены или засватаны». По мнению В. Н. Майнова, «ранние браки совершались преимущественно между зажиточными семьями и рассматривались в качестве удачной сделки между родителями» [3. – С. 29].

Для всех форм брака татар-мишарей характерно проживание новобрачных в доме супруга. Имели место случаи перехода и проживания жениха в доме родителей невесты (йортка керу). Подобные браки были выгодны прежде всего родственникам невесты, так как необходимы были рабочие руки. Среди татар бытует мнение, что данное явление для мужчины было позором, и в народе его сравнивали с субликом, пробравшимся в дом (йортка кергэн йомран). На данное условие согласие давал лишь тот, кто не имел родственников и возможности выплаты калыма за невесту [5. – С. 156].

У многих народов запрещалось вступать в брак с близкими родственниками, в частности с родными братьями и сестрами, племянниками. У татар-мишарей, например, по мужской линии из семьи родственника разрешалось брать жену только лишь из седьмого колена (жиде ят), в то время как браки между сыном сестры и дочерью брата или сыном брата и дочерью сестры считались возможными. Такие браки по мнению мишарей не являлись родственными [5. – С. 154]. К примеру, среди мордвы существовало мнение о возможности заключения брака между усыновленными и усыновителями, «так как между ними нет крови» [3. – С. 25].

При заключении браков мишари иногда придерживались обычая левирата или сорората. Зафиксированы случаи, когда неженатый родственник умершего, по наставлению близких, женился на вдове старшего брата, или же когда муж умершей женщины брал в жены ее младшую сестру (балдыз). Следует

отметить, что подобные браки заключались редко и, как правило, были ориентированы на сохранение имущества и рабочей силы в пределах своей семьи. Примером может послужить семья Касима Фейсханова, проживавшего в селе Аксеново Лямбирского района, который был женат на двух родных сестрах Райсима и Маджиде. В настоящее время сводные братья и сестры проживают на одном участке, но в разных домах. Подобные факты зафиксированы автором и в других татарских населенных пунктах (д. Тювеево и с. Митрялы Темниковского района Республики Мордовии).

У татар-мишарей Мордовии, согласно сведениям информантов, бытовало многоженство. По утверждению мишарей, проживающих в Темниковском районе, «некоторые зажиточные односельчане содержали по 3 жены». В с. Латышовка Кадошкинского района зафиксирован случай женитьбы муллы (родом из Казани). Он в качестве свахи (башкода) направил свою первую жену сватать вторую. Этот факт двоеженства был выявлен в 1920 г.

Начиная со второй половины XIX в. в татарских поселениях при заключении брака возникли социальные ограничения. Браки стали заключаться между людьми в основном равными в имущественном отношении. У мишарей подобные браки регистрировались при большой возрастной разнице брачующихся. Что касается смешанных браков (с русскими, мордвой), то они были строго запрещены [5. – С. 154]. В. Н. Майнов по данному поводу писал: «Конечно, браки между мордвою и татарами запрещаются и тщательно избегаются народом, так как тут влияет разница в религиозных верованиях; но нам всюду приходилось лишь слышать похвальные о татарах отзывы за их рачительность, хозяйственность, трезвенность и трудолюбие» [3. – С. 25]. Полевые записи и опубликованные материалы свидетельствуют о том, что в 1920–1940 гг. межнациональные браки между мишарями и другими народами края в единичных случаях зафиксированы только лишь в городской местности. В послевоенное время такие браки имели место быть уже не только в городе, но и в селах. Если татарские юноши могли жениться на девушках другой национальности, то замужество татарок осужда-

лось, а иногда даже и проклиналось родителями. В татарском с. Лямбирь Лямбирского района к смешанным бракам относились недоброжелательно. В указанном селе Ю. Н. Мокшиной зафиксировано: «Помнится, в нашем селе одна мордовка была замужем за татариним, веру свою она не меняла, хранила в доме образа, но вместе с тем строго соблюдала священный мусульманский пост Рамадан и почитала обычаи» [4. – С. 83]. Аналогичная ситуация практически была и у мордовского народа. Что же касается мордовско-русских браков, то особых непреодолимых препятствий здесь не существовало.

В татарских населенных пунктах также жестко стоял вопрос о выборе невест. В основном старались жениться на девушках из своего села. Об этом свидетельствует разговорка татар: «Хорошую девушку со своего села не отдадут». Информанты из с. Латышовка Кадошкинского района говорили: «Пусть лучше будет бедная невеста, но со своего села».

Патриархальные порядки в семье требовали беспрекословного подчинения всех ее членов главе. Большим уважением в семьях мишарей пользовались старшие мужчины, так как их слова были «законом» для всех членов семьи. В их функции входили: управление и организация хозяйства внутри семьи, разбор конфликтов между членами семьи, представление интересов семьи во внешних отношениях с общиной, законом, властью и мечетью. Глава семьи вправе был распоряжаться семейным имуществом, но в свою очередь он должен был считаться с интересами всей семьи. Он также производил распределение полевых работ среди членов семьи. При этом он исходил из способностей и опыта работника. Кстати, авторитет члена семьи определялся значением его в хозяйственной жизни. Например, наиболее ответственную работу, такую как сев, производил сам дед. Положение женщины в больших семьях было также зависимым (авторитетом и даже властью пользовалась лишь старшая женщина семьи). Неполноправными были также младшие члены семьи независимо от пола. Такая семейная иерархия диктовалась нормами взаимоотношений, складывавшихся в течение веков и впитавших в себя законы патриархального уклада, и догмами шариата.

Все доходы от продажи сельскохозяйственных продуктов поступали в общесемейную кассу, которая находилась в распоряжении главы семьи. Заработки членов семьи также шли в эту кассу. Лишь подаренное являлось личной собственностью того, кого одарили [5. – С. 142–143].

К наиболее древним нормам взаимоотношений членов семьи, отражавшим патриархальное и шариатское неравенство внутри семьи, следует отнести обычай избегания, игравший значительную роль в семейном быту татар-мишарей. Так, женщина не имела права называть своего супруга по имени не только при обращении к нему, но и в его отсутствие. Женщине запрещалось разговаривать с мужчинами, сидеть за одним столом и даже находиться в одном помещении. Так, прежде чем войти в дом, свекор обычно кашлял, чтобы предупредить невесток и дать им возможность скрыться или хотя бы привести себя в надлежащий вид. По воспоминаниям информанта А. С. Поздняковой из д. Большое Татарское Караево Темниковского района, «молодой жене запрещалось разговаривать со своим свекром, так как это считалось грехом. После замужества в доме мужа питалась отдельно, в чулане и ела стоя. Как правило, первыми ели мужчины и дети, а после них женщины. В настоящее время все члены семьи питаются вместе». Подобное явление зафиксировано и у мордвы. Так, например, молодая невестка (эрвэнэ, урьва), пришедшая по обычаям мордвы в семью мужа, играла роль прислуги. О чем свидетельствует и имя, которое давал молодой снохе брат ее супруга, – уряшь (от «урень» – раба). Это, бесспорно, указывало на фактическое положение, которое занимала молодая женщина в доме своего мужа. Только после рождения в семье первого ребенка или появления в доме другой молодой снохи статус молодой невестки менялся. Но и даже после этого невестки не имели никаких прав участвовать в семейном совете.

Избегание у мишарей распространялось и на более старших родственников мужа, прежде всего его дядей. Таким образом, женщина долгое время (иногда в течение всей жизни) должна была соблюдать по отношению к родственникам мужа многочисленные запреты (кан тоту). В источниках имеются сведения,

что обычаи избегания касались не только женщин, но и мужчин. Примером может послужить лишь один случай, имевший место в семейном быту лямбирской группы мишарей, который отражал избегание мужчины по отношению к старшим родственникам (мужчинам и женщинам) жены. Этот обычай состоял в том, что зять в течение одного года, точнее до появления первого ребенка, не имел свободного общения со старшими родственниками жены. Приходя к ним, он обычно садился не на тур (широкие нары, устраиваемые рядом с печью), а ближе к входу так, чтобы не перейти линии матицы [5. – С. 143].

Внутри большой семьи существовали бытовые конфликты, связанные с семейными разделами имущества. Данная проблема существовала у многих народов с давнего времени и не утратила свою актуальность и сегодня. Хозяйственные конфликты возникали чаще из-за отсутствия у молодой супружеской пары собственного имущества. Это объясняется устойчивостью патриархальных традиций, направленных на сохранение и преумножение общесемейной собственности, которая являлась основой существования крестьянского двора.

У татар-мишарей существовало два вида раздела: частный и общий. Частный раздел имущества представлял собой выход из нее лишь одной семьи и не приводил к распаду большой семьи. Подобные разделы происходили еще при жизни главы семьи – отца. Отделявшейся семье выделялась определенная доля семейного имущества. Глава семьи распределял ее так, чтобы раздел не ухудшил экономическую жизнь семьи. В связи с этим отделявшейся семье всегда выделяли наиболее плохую часть имущества. Но, как правило, частные разделы не разрешали возникающие конфликты, противоречия в семьях и в конечном счете приводили к общесемейному разделу. Так, например, в 1915 г. произошел общесемейный раздел в семье Гарифуллы Маренова из села Черемешево Лямбирской волости. Обособление началось со строительства отдельных изб для сыновей на усадьбе отца. Значительную часть усадьбы занимал большой двор, на котором могли свободно разместиться 5 запряженных подвод. Из хозяйственных построек в нем располагались клеть, два арана,

пает, лапасы, а в задней части усадьбы – баня и ток с мякинником. С увеличением семьи все больше уменьшалась свободная площадь. Так, когда семья выросла до 20 человек, на отцовской усадьбе выстроили фасадом на переулочек отдельный четырехстенный дом для старшего сына. А еще через год выстроили еще один, также фасадом на переулочек, для второго сына с семьей. Третий сын остался в одной из половин отцовской избы. Каждая семья питалась отдельно, в своем доме. Однако выделившиеся семьи все еще продолжали сохранять единство, так как они не произвели общего раздела; земля, луга и огород обрабатывали сообща, а урожай делили на равные части между семьями, независимо от их величины. Окончательное обособление малых семей произошло после раздела основных средств: земли, луга, огорода, домашнего скота, инвентаря и надворных построек [5. – С. 144–145].

Прямыми наследниками отца являлись сыновья. Поэтому отцовское хозяйство делилось на равные доли между сыновьями. Если общий раздел происходил при жизни отца, то, как правило, младший сын оставался жить с ним. После смерти отца его доля имущества переходила в собственность этого сына. Имущественные права женщин были ограниченными. При наличии в семье сыновей дочери не участвовали в наследовании земли. Бездетная вдова, состоявшая в браке недолго, уходила обычно к отцу, не получая кроме своего приданого ничего из имущества семьи. Если же бездетная вдова жила долго с мужем, то и после его смерти она оставалась жить в его семье. При общесемейном разделе она должна была переехать в дом одного из братьев своего мужа. Вдова же, имеющая сыновей, при разделе хозяйства семьи получала ту часть недвижимого имущества, которая полагалась ее мужу. Вдова же, имеющая лишь дочерей, при общесемейном разделе земли не получала. Она переходила жить к одному из братьев мужа, который получал большую долю имущества и обязан был дать приданое ее дочери [5. – С. 145].

Развод (талак) у татар-мишарей происходил после произношения супругом арабского слова «талак». Муж обязан был ее содержать в период идда (это название срока, который женщина выжидает, не выходя замуж, после

прекращения брака по причине развода, смерти мужа и т. д.). Срок определения отсутствия беременности (идда) длится до 3 месяцев. При этом женщина не должна иметь ни с кем половую близость. После того, как убеждались, что женщина не беременна, она могла снова выйти замуж. Если талак был сказан только один раз, бывшие супруги могли возобновить свои отношения в периоде идда, и развод считался недействительным. Если же талак был произнесен трижды, то мужчина имел право жениться на своей бывшей жене только после того, как она выйдет замуж за кого-либо и снова разведется либо станет вдовой. Если талак произнесен 9 раз, бывшие супруги не могли снова вступить в брак ни при каких обстоятельствах.

Личной собственностью женщин считались различные вещи, предметы, приданое, полученные в качестве подарка. Приданое в татарской свадьбе включало различные предметы домашнего обихода, утварь, постельные принадлежности, а также личные вещи невесты (одежда, украшения и др.), подарки для родственников жениха (3–4 сундука), домашние животные. Как вещи, так и домашний скот с приплодом считались собственностью невесты в доме ее супруга, и без ее согласия никто не имел права ими распоряжаться.

К примеру, у мордовских женщин личную собственность также составляли личные вещи (праздничная одежда, украшения и др.), которые хранились в специальном коробе (парь – долбленая деревянная емкость наподобие кадучки) и ни при каких обстоятельствах не могли быть отторгнуты, никогда не продавались и переходили из поколения в поколение. В. Н. Майнов писал, что «бывали случаи, когда муж заимствовал у жены из ее "бабьего добра" кое-что для удовлетворения неотложных домашних потребностей, но в этом случае все бы соседи смеялись от души, если бы он дал или жена от него потребовала какой-нибудь документ на занятое имущество». Если каким-то образом парь отчуждалась, то ее владелица имела право вернуть обратно или же возместить убытки. Так, при рассмотрении дела о продаже мужем Арины Трифоновой 5 золотых монет с национального головного украшения против ее воли Атяшевский волостной суд принял ее сторону.

В суде «Арина Трефолева доказала, что ее пробабка Анна по линии матери, а те деньги ею коплены и пришиты». Приговор суда был такой: «Пусть обвиняемый уплатит своей жене 75 рублей или же достанет... в Пензе три золотых катерининских да 10 крестовых рублевиков серебряных, а чтобы впредь с чужим добром умел обращаться (обращаться), дать ему 18 розог и арестовать при правлении на два дня, если наказания принять не захочет» [3. – С. 127–128].

Процесс разложения больших семей среди различных социальных групп крестьянства проходил по-разному. Так, в среде бедных крестьян, где не было прочной материальной базы, необходимой для сохранения больших семей, процесс распада совершался интенсивнее. Малоземельные крестьяне, по сравнению с зажиточными, вели более подвижный образ жизни, так как для обеспечения средств существования они вынуждены были прибегать к отходничеству. Все заработки отходников большей частью поступали в общесемейный фонд, а самому отходнику отводилась небольшая сумма на личные расходы. Как писал В. Н. Майнов, «ясное дело, тут не всякому члену дозволит личную наживу, но если такой член семьи обременен своею собственной семьею, то отец дозволяет ему разные поделки не на прокорм, а на одежду, например, своих детей» [3. – С. 138]. Из вышесказанного следует, что в основе имущественных отношений лежал принцип: все приобретенное или заработанное на стороне принадлежит всей семье, и пока человек живет в ней, его доход был общим достоянием. Отходничество повышало экономическую самостоятельность и самосознание младших членов семьи и способствовало созданию самостоятельного хозяйства. Это приводило к большим противоречиям, обострению взаимоотношений, ссорам между членами семьи и в конце концов к разделу.

Таким образом, нормы обычного права у татар-мишарей формировались на протяжении продолжительного времени и были тесно связаны с сельской общиной. Обычное право являлось традиционным регулятором различных сторон общественных отношений: брачно-семейных, имущественных, наследственных, земельных, договорных и др. Традиционно-правовые нормы и в настоящее время

признаны, особенно в сельской местности, большинством татарского населения в качестве регулятора общественных отношений. Система обычного права аккумулирует и передает из поколения в поколение духовные ценности и социальный опыт, накопленные

народом на протяжении многих веков, посредством отдельных норм оказывает влияние на конкретного индивида, выступая в качестве механизма социального контроля.

Список литературы

1. Букин С. М. Национальная государственность мордовского народа: история становления и развития (X–XX вв.). – Саранск : Мордовский ун-т, 2006.
2. Еферица Т. В. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е г. XIX – 30-е г. XX в.) : дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1995.
3. Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. – СПб. : МВД, 1885.
4. Мокшина Ю. Н. Брачно-семейные отношения в обычном праве конца XIX – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2003.
5. Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. – М. : Наука, 1972.
6. Николаев С. Д. Мордовская крестьянская семья в первой половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. – Саранск. 1993.
7. Риттих А. А. Крестьянский правопорядок. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. – 650 с.
8. Семина В. Н. Семья татар-мишарей в Мордовии в первой половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1999.
9. Спицина О. В. Обычное право русского населения Мордовии: историко-этнографический аспект : дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2009.
10. Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы в конце XIX – начале XXI в. : дис. ... д-ра ист. наук. – Чебоксары, 2009.
11. Тумайкин В. П. Соседская община заволжской мордвы в пореформенный период : дис. ... канд. ист. наук. – М., 1974.
12. Харузин Н. Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей : сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. – М. : Дашковский этнографический музей, 1888. – Вып. 3. – С. 115–142.
13. Харузин Н. Н. Очерки первобытного права. – Ч. 1. Семья и род. – М. : Гросман и Кнебель, 1898.
14. Харузин Н. Н. Юридические обычаи якутов (по материалам Н. П. Припузова) // Этнографическое обозрение. – 1898. – Вып. 2. – С. 37–64.
15. Щанкина Л. Н. Этнокультурные традиции татар-мишарей Республики Мордовии в системе их жизнеобеспечения : дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2004.